

United States Holocaust Memorial Museum

Interview with Nadejda Ivanovna Savitskaya

RG-50.572*0076

Вопрос: Здравствуйте! Представьтесь, пожалуйста.

Ответ: Савицкая Надежда Ивановна.

Вопрос: В каком году Вы родились?

Ответ: В 1924 году, 12 июня.

Вопрос: Где Вы родились?

Ответ: В селе Рашков, Каменский район.

Вопрос: Когда в 1941 году началась война, где Вы находились?

Ответ: Была в Рашкове сначала. Училась там в школе, закончила 9 классов, 10-й не успела. Был выпускной, и как раз началась война.

Вопрос: Вы помните, как началась война?

Ответ: Да. Нас, учеников, послали спасать, вытягивать раненых и убитых. Там был как раз дождь, сильный ливень ночью, и обломалась скала. Погибла вся семья, там девять человек было!

Вопрос: Местные люди?

Ответ: Да. Самая старшая дочка была у нас учительница в школе – Фаня. И мы пошли их раскапывать, потому что снесло все, и остались трупы под землей, под камнями. Мы раскапывали – и вдруг налетели самолеты! И стали нас строчить с пулеметов. И мы все разбежались и попрятались. И потом начали бомбить. А сверху по Днестру была переправа, и переправлялись из Бессарабии военные. Был понтонный мост. И мы, знаете, всех интересовало, что это. Мы и не знали, и боялись. Побежали туда, а там было много раненых. Начали вытаскивать, мы тоже помогали! Крик был, очень страшно было! А отец мой был председатель сельсовета. И ему было поручено эвакуировать всех, первым долгом – евреев.

Вопрос: Ему так поручили?

Ответ: Да, потому что сказали, что немцы сразу их расстреливают. И отец их эвакуировал на подводах, на машинах. А потом уже нас ночью эвакуировал с Рашкова. Мы ехали в Баштанков на Украину на подводе. И в Катериновке доехали мы до коровника. Уже темно было, ночь. И вдруг опять налетели самолеты и начали строчить по этим мирным подводах, по людям. То, что мы взяли на подводу: одежду, обувь, что могло понадобиться – мы все там потеряли. Все разбежались. Были раненые.

Мы добрались до Баштанково. Сначала местное население не хотело нас принять, потому что кто сохранял евреев, то за это расстреливали. А у нас там была тетя, бабушкина сестра, поэтому мы туда и направились.

Вопрос: Почему вас не хотели принять?

Ответ: Местные думали, что мы евреи. А потом уже вышла тетя, и нас приняли. И с нами была соседка, она немка была. И эта соседка нас спасла! Мы же были семья коммуниста. Отец был коммунист, еще и председатель сельсовета. Но эта немка только заговорит по-немецки - и нас не трогали немцы и румыны.

Вопрос: За Вами приходили немцы или когда она Вас спасла?

Ответ: Мы приехали туда, а там машины стоят, немцы поют, музыка играет! Мы в заборе щелки делали и смотрели. Мы боялись их! А село было ...болото было, очень дождливо было. Уже мы остановились у тети. Уже там были немцы. С одной стороны села были немцы, а с другой стороны села наши были, русские. Была стрельба, шел бой. А я пошла к тетиной родственнице. Там была такая речушка, и когда начали стрелять, я как раз была у этой речушки. Там был обрывчик, и я спряталась под ним. И я стояла там в воде до вечера, пока не закончился бой. Перед этим как раз пришел отец и сказал: «Мы попали в окружение между Кодемой и Баштанков». Он пришел и еще 4 человека, коммунисты. Он сказал матери: «Мы должны прорваться из окружения, а вы оставайтесь здесь». И мы остались. Сестра была у меня старшая, она училась в медтехникуме. Но она еще не призывалась в армию, она была просто на практике в Рашкове. И мы вцепились в отца, что мы тоже с ним пойдём. Сестра Полина говорит, что она уже медсестра. А я говорю: «Я тоже пойду, я – комсомолка!» Он взял у нас комсомольские билеты, завернул их в бумагу, отнес и положил их возле клуба под камень. Говорит: «Когда закончится война, заберете здесь свои комсомольские билеты!» И ушел. И прорвались они!

Вопрос: А Вы остались в Баштанкове?

Ответ: Да, а мы остались. Ну дальше некуда было идти, потому что уже пошли немцы вперед. Когда мы вернулись в Рашков, там уже были румыны.

Вопрос: А когда вы вернулись в Рашков?

Ответ: Где-то через месяц.

Вопрос: В Рашкове было много евреев?

Ответ: Было много евреев. В центре было все построено, это были дома евреев. Все были знакомые, знали друг друга. Тогда не было национальности, жили нормально. И евреи, и русские, и молдоване учились в одной школе, и никогда мы не знали, что такое...

Вопрос: Вы говорили, что Ваш отец эвакуировал евреев. Все уехали или кто-то остался?

Ответ: Были такие, что остались. Не успели. Он эвакуировал сначала женщин и детей. Подвод не хватало, это так внезапно все было. Как началась война, так это страшно было, сразу много народу погибало. Тогда уже начали эвакуировать. Кто убежал, кто в села побежал – кто смог как спасался. И много наших оставалось людей, которые погибли. И немцы говорили: «Жидан капут, коммунист капут!» Много евреев погибло, и не только евреев.

Вопрос: А Вы видели, что случилось с теми оставшимися евреями?

Ответ: Вот у меня есть друг Митя. Мы ходили в одну школу. И перед самой войной он пришел с заставы со своим другом. А я работала в библиотеке, меня отец на каникулы устроил работать в сельскую библиотеку. Они пришли как будто попрощаться со мной. Хорошие хлопцы. А потом сказали, что этого Митю румыны загнали в Днестр и застрелили.

Вопрос: Это Вы слышали, но не видели?

Ответ: Да, слышала. Но искали мы Митю после войны и нигде не могли найти. Только уже между друзей спрашивали, и сказали, что его убили. Он очень хорошо играл в школе на мандалине. Такие вечера в школе проводились, танцы! А этот другой парень, с кем они приходили – Володя. Я ему как будто нравилась. И вот они приходили попрощаться. И тут мы сидели в библиотеке за столиком, разговаривали. А утром начали бомбить... и строчить переправу, и винтовки...

Вопрос: А что случилось с теми евреями из Рашкова, которые стались в селе во время войны?

Ответ: Остались? Никого тут не осталось. Одна Хана тут была. У нее перед войной большая семья тут была. Мы близко жили и очень дружили. Она шила, и мама нас водила, она шила нам платья. Перед войной умерла ее старшая дочка, очень красивая девушка была. У нее был муж и еще, кажется, 8 детей. Все погибли, одна она осталась. И то румыны забрали ее туда в жандармерию. И ее должны были расстрелять или что-то... А ее или кто-то пожалел, или, может, она дала румынам выкуп какой. В общем, не закрыто окно там было. А мы жили рядом: тут жандармерия, а через забор – наш дом. И тут же был стадион, прямо через дорогу. И туда под вечер, ночью сгоняли евреев. Они этапом шли. Крик, плач – страшно было! Вы знаете, даже сейчас вспомнить – и не выдержать это мучение людей. Их туда сгоняли. Дети оборванные, голодные! Помню, нас всех румыны гнали работать на поле. Колхоз румыны не разгоняли! Заставляли нас всех работать, а урожай потом румыны вывозили. Мама пошла на поле, а меня оставили дома. Сварили мы мамалыгу. Я не ела ее. Стадион был близко. Этот визг, плач детей не могла я выдержать! И сейчас, как вспоминаю ... кошмар. Я взяла листочки из школьной тетрадки, по кусочку завернула мамалыгу. Ребят еще позвала. И под забор этот...а там кругом были жандармы, так что нужно было стеречь, чтоб прошел жандарм, или отсюда чтоб кто-то его отвлек, и отсюда нужно было бросить эти кусочки мамалыги. И мы бросали через забор эти кусочки, чтоб может для детей там... А во время, когда мы эвакуировались, румыны пришли и жили в нашем доме. И много осталось коробочек от консервов. Тогда мы еще не ели консервы, не знали, что это такое. Эти коробочки мы пособирали и решили в них им воды давать. Идем, поставим коробочку, а они оттуда забирали воду.

Да, за эту Хану. Я была такая любознательная и смелая, знаете, ничего не боялась. Какой-то такой патриотизм был у молодежи тогда. Вот не боялась и все! Мне было 16 лет, так я добавила себе еще год, чтоб меня взяли в армию. Но меня не взяли. Я пошла увидеть, что там делается. Там как раз жандармерия была. Я подползла, через забор перелезла и подползла: окно открыто. Увидела там тетю Хану. Я ей: «Тетя Хана, бежите оттуда!» Еще принесла ей тоже кусочек мамалыги. И я приползла обратно и села во дворе. Как раз – из-за дома бежит тетя Хана. А у нас под домом подвал, а двери выходят сюда, и подвал был открытый. Я говорю: «Бежи в подвал!» И закрыла дверь. А сразу бежали румыны жандармы за ней. Я говорю: «Туда, до речки побежала!» И они побежали туда. А потом вечером ей бежать надо: если ее найдут у нас, так и нас расстреляют. Дала ей на дорогу кушать. И она ушла и спаслась. После войны она приезжала в Рашков к нам, благодарила, подарки привозила. Она в Москве жила. Потом заболела и умерла.

Вопрос: Вы помните ее фамилию?

Ответ: Забыла.

Вопрос: Она была из Рашкова?

Ответ: Да.

Вопрос: Когда Вы ходили в жандармерию и видели ее через окошко, она была одна или еще кто-то?

Ответ: Нет, она одна была.

Вопрос: Она там могла свободно передвигаться?

Ответ: Она привязана там была, что ли. Я и не успела рассмотреть, только крикнула, чтоб она бежала оттуда.

Вопрос: Там была охрана?

Ответ: Да, жандармы. Еще цыган было много, но цыган закрывали в подвале. Под школой был большой подвал. И в этом подвале закрыли цыган.

Вопрос: Вы видели?

Ответ: Да! Там мой муж попал как раз и муж моей сестры. Их тоже в подвал закрыли. А бабушка моя знала молдавский язык, она молдаванка была. И вот она их выручила. Она шла и по-молдавски говорила с жандармами, носила им водку. И их выпустили. А цыгане к вечеру разожгли там себе в подвале костер и начали сильно кричать. И их или выпустили или ... Ну, слышно было, что стреляли, но не скажу убили их или отпустили. Знаю, что костер был.

Вопрос: Вы видели этот костер?

Ответ: Видела, как дым шел. Там передние двери железные были закрыты, а потом как прихожая такая в подвале. Так в этой прихожей были цыгане. А потом туда двери и там подвал.

Вопрос: Там тоже была охрана?

Ответ: Они закрыли железную дверь в подвал, а охрана – рядом жандармерия.

Вопрос: То есть, это длинный подвал, который находится очень близко к жандармерии?

Ответ: Да.

Вопрос: Цыган там держали в то же самое время, когда и Хану держали?

Ответ: Нет, это в другое время. Это уже когда евреев сгоняли на стадион.

Вопрос: В каком году это было?

Ответ: В 1941.

Вопрос: А что сначала было: Вы увидели Хану или цыган?

Ответ: Сначала Хану. Это мы уже вернулись. А потом стали уже сгонять на стадион.

Вопрос: А их сгоняли летом или позже?

Ответ: Нет, еще тепло было – летом. Знаю, что сильно пить они хотели. Да, и еще мы сделали снизу так... Ворота идут на шоссе, кругом был забор высокий. И мы с мальчиками снизу выковыряли в стенке дырку, камни вытащили. И кричали отсюда: «Бежите, там есть место!» А кругом жандармы, если бежать, могут застрелить. Но все равно прорывались, многие спаслись через эту дырку.

Вопрос: Вы лично видели, как они проходили через эту дырку?

Ответ: Одного видела парня, еще молодой парень. Но я его не знаю. Он не местный был. А на день мы то все залаживали, замаскировывали: бросали бурьян, колючки...

Вопрос: Вам известны конкретные люди, которые спаслись через эту дырку?

Ответ: Нет, но там много народу было.

Вопрос: А когда Хана сбежала из жандармерии? В тот же день, когда Вы ее там навещали?

Ответ: Да, в тот же день. Я ей как бы показала дорогу, что сюда нужно бежать.

Вопрос: А Ваши родители были тогда дома?

Ответ: Нет. Отец был на фронте, а мать была на работе, на поле с сестрами.

Вопрос: Вы одна были?

Ответ: Да, я одна была.... А потом моя сестра меньшая.... румыны насильовали ее... и убили.

Вопрос: Сколько лет ей было?

Ответ: 12 лет.

Вопрос: В каком году это было?

Ответ: В том же 41 году. Уже к осени шло. Мы ушли все на поле с мамой, работали, кукурузу собирали. А когда вернулись, она уже лежала и не разговаривала. А потом соседка говорит, что были жандармы...и сильно Люба кричала, плакала. Говорит: «Я к ней, а она ничего не могла мне ответить». Мы пришли, а она не могла разговаривать. Мы считали, что она заболела. Потом соседка говорит: «Видно, они ее насильовали».

Вопрос: Это соседка видела?

Ответ: Нет, она крик слыхала только. Они пришли и искали приемник. Кто-то предал и сказал, что у нас был приемник. А перед этим я приемник передала ребятам в село Катериновку. Мы слушали информацию из Москвы по этому приемнику. Ребята писали листовки. В Севериновке была типография, и я носила туда эту информацию из Москвы. Там писали листовки и распространяли среди населения. А сестра...так она и умерла на другое утро.

Вопрос: А как она выглядела?

Ответ: Она не могла разговаривать. Страшная, синяя вся, избитая. Мы все плакали. Потом говорили, что она бежала до калитки, а они за ней и споймали. Да, а вместо приемника они нашли примус, он был в алюминиевой коробочке. Они не раскрыли коробочку, а решили, что это приемник. И они нашли этот примус и начали ее бить. Но перед этим я как раз передала приемник мальчикам. Пришли ребята ночью и забрали этот приемник. Если бы нашли его, то, конечно, нас бы всех...

Вопрос: Расскажите о том стадионе, где держали евреев. Откуда Вы знали, что это были евреи?

Ответ: Слышно было еврейский язык, и жандармы говорили: «Жидан».

Вопрос: Вам приходилось видеть, как их туда загоняли?

Ответ: Да.

Вопрос: Сколько раз Вы видели?

Ответ: Два. Много очень их было, полный стадион. И детей очень много было. Зимой тоже их пригоняли, потому что говорили, что находили кровь на льду и прорытые дырки ...но мы туда не ходили, потому что это грозило нам смертью.

Вопрос: Сколько много их было на стадионе?

Ответ: Это были сотни людей! Я помню, последний раз, когда их гнали, это было жутко смотреть! Может, там были еще и пленные наши. Но много людей.

Вопрос: А откуда и куда гнали?

Ответ: Отсюда, как с Каменки. И туда загоняли. А потом ночью расстреливали.

Вопрос: То есть, Вы видели, как со стороны Каменки их загоняли в Рашков?

Ответ: Да.

Вопрос: И как? Пешком?

Ответ: Пешком, конечно. Они идут, а кругом жандармы идут.

Вопрос: Немцы или румыны?

Ответ: Немцы сразу прошли Рашков и ушли дальше. А остались хозяева румыны. Немцы не гоняли их. Страшно было жить там и смотреть на это все. Это было все на глазах. С нашего балкона было видно, как они там...

Вопрос: Сколько, примерно, метров было от Вас?

Ответ: Метров 10-15, может, больше.

Вопрос: Вы могли хорошо видеть, что внутри стадиона было?

Ответ: Можно было видеть, как они там двигаются.

Вопрос: А как с ними обращались румыны?

Ответ: Били их, толкали прикладами.

Вопрос: Пытался кто-то из них бежать?

Ответ: Я не видела. Нам не разрешали так смотреть, потому что кругом этого стадиона были жандармы.

Вопрос: И много было жандармов?

Ответ: Конечно много. Так мальчишки их отвлекали, и пока они там...мы бросали им туда кушать и пить давали. А так они кругом были, с винтовками.

Вопрос: И сколько примерно времени их там держали?

Ответ: Один раз помню, примерно трое суток. А один раз утром их загнали, а вечером или ночью увели, потому что на второе утро их уже не было.

Вопрос: То есть, загоняли ненадолго, а на какой-то период времени?

Ответ: Да. Но, их видно, расстреливали. Слышно было...Рашков ведь находится в горах, у нас очень сильно идет луна (эхо). И когда стреляли, сразу слышно было. Потому что очереди автоматов слышно было. Вот один раз, например, было. Тогда еще сестра живая была. Тогда мы только возвратились домой. Окна разбитые, досками забитые. Пришли офицеры-румыны и до сестры (она больше понимала по-румынски, чем я): «Давай, готовь стол!» Дают продукты. Это было к ночи, сильно много переправляли войска. И наш огород был полный солдат-румын. Значит, приготовили мы стол, а они нам: «Садитесь с нами». Сестра показывает мне скальпель медицинский – в карман его. Мы сели за стол. А тут в селе такой крик страшный, солдаты кого-то насиловали. Прибегает их денщик: «Партизаны! Партизаны!» Сестра говорит: «Надя, бежи!» «А ты?» - говорю. «Я тебя буду прикрывать. Ты же видела, что у меня в кармане!» И я убежала через окно! А эти офицеры - на балкон и попрятались. Этот денщик нас спас! Иначе б они нас тоже там насиловали. У нас в Рашкове

заборы были каменные, и такие колючки растут. И этим забором я к бабушке просунулась! Но я не долезла до бабушки, а долезла до соседа. Там был ученик Толя и его мама. И я остановилась у них до утра, а уже утром бабушка забрала.

Вопрос: А Ваша сестра?

Ответ: А сестра побежала до соседки и на чердак вылезла. А вообще эта немка нас всегда спасала. У нее на калитке звезда была нарисована. И знали и румыны, и немцы, что там живет немка.

Вопрос: Это Ваша соседка?

Ответ: Да, Марья Федоровна, фамилию не помню. Она уже умерла.

Вопрос: Вот Вы говорите, что видели, как евреев загоняли внутрь стадиона. А приходилось Вам видеть, как их оттуда выводили?

Ответ: Один раз приходилось. Я побежала до соседки, и через забор мы с ней, с этой Ханей, смотрели, что их выводили оттуда. И вели в том направлении, как до Днестра.

Вопрос: И тоже с охраной?

Ответ: Да, охрана со всех сторон.

Вопрос: Это было днем или вечером?

Ответ: В тот раз это было под вечер.

Вопрос: И как эти евреи выглядели?

Ответ: Разве ж это можно передать? Конечно, несчастные, избитые, истерзанные, голодные. Страшно было! Когда жандармерия там была, в школе жила в химкабинете одна евреечка...она или уже полоумная была... и они все ее ...там , где они спали жандармы все в одном классе...и они очень издевались над ней. Она была очень красивая такая, а в последнее время она стала как полоумная. И они ее все там насиловали.

Вопрос: А Вы видели ее там в школе?

Ответ: Да! Она ходила там свободно и приходила туда к ним. А потом уже ее не стало.

Вопрос: А Вы с ней разговаривали?

Ответ: Не было как с ней разговаривать. Она там, среди жандармов вращалась. Мы не могли туда подойти. Но мы все ее там видели.

Флаг я выставила на этой горе. Как раз это была 25-ая годовщина. Пришел приказ нашим: выставить флаги. Как раз это был вторник, базарный день в Рашкове. Я и мой соученик Саша Ковальский – мы должны были поставить флаг. А не было материала. Это было, уже когда немцы начали отступать от Сталинграда. И уже мы слушали новости из Москвы, что уже наши пошли в наступление. И сказали, что нужно выставить флаги на одной и другой горе в Рашкове. На одной горе, с левой стороны, мне и Саше, а с другой стороны – ребята из Катериновки, там целая группа была.

Вопрос: Еще вопрос. Откуда Вы знали, что ту девушку в школе насиловали?

Ответ: Так это видно было! Там эта соседка живет, там школа рядом и этот химкабинет. Это было известно. Но где она пропала, мы не знали.

Вопрос: Она не пыталась убежать?

Ответ: Она могла бежать! Но она была как будто помешанная, в последнее время она уже не была сама собой. Она ходила там, как будто бы она была там своя. Но они издевались, видно, над ней. Их много было.

Спасибо.